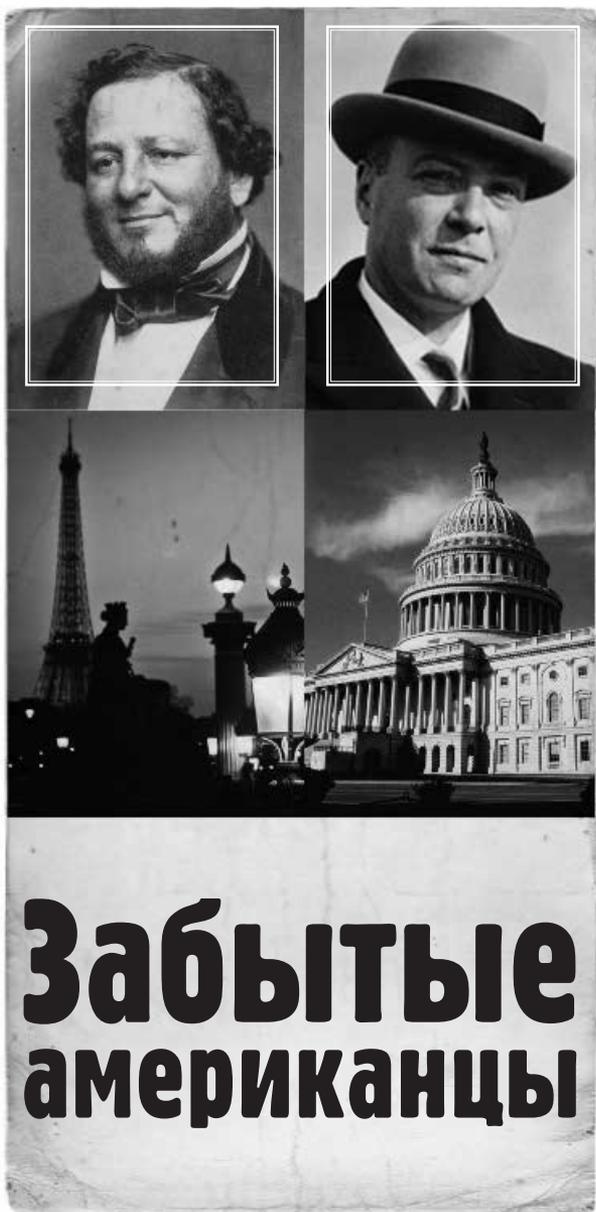

Леонид Спивак

**Забутые
американцы**

Леонид Спивак

БОСТОН • 2015 • BOSTON

СЕРИЯ
«ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ»

Леонид Спивак *Забывтые американцы*
Leon Spivak *Zabytyie amerikantsi*
(Forgotten Americans)

Copyright © 2015 by Leon Spivak

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220-25-3

Library of Congress Control Number: 2015937337

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

🖥️ www.mgraphics-publishing.com

✉️ info@mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2015

Фотографии и иллюстрации в тексте: Wikimedia.org

Фото автора на обложке: В. Машатин © 2012

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**™ (www.batov.ru)

Отпечатано в США

*Автор выражает благодарность
всем своим друзьям, оказавшим
поддержку в создании книги.*

*Особая благодарность:
Елене Катишонок,
Ларисе Левич,
Светлане Рябичевой,
Дмитрию Кукунову,
Марии и Михаилу Герштейнам,
Софье и Владимиру Шпунтам
за ценные поправки и критические замечания.*

*Ревекке, Анне, Виктории,
трем поколениям моей семьи*

Иуда

полномочиями). Президент нуждался в поддержке губернаторов и столичных политиков, многие из которых ненавидели «Иуду Конфедерации» и не один год требовали его удаления. И все же Джефферсон Дэвис отклонил прошение госсекретаря. Они останутся соратниками и до конца пройдут весь путь, который предназначала им судьба.

Из Лондона между тем пришло шифрованное сообщение от Дункана Кеннера. Глава английского кабинета министров лорд Пальмерстон выслушал новые предложения Бенджамина «с интересом и вниманием». Официального же ответа посланник Конфедерации так никогда и не дождался.

Крушение

Что-то разбудило его майским утром в роще в самом центре Флориды. Как будто чей-то голос раздался над головой. Беглец открыл глаза и прислушался. В траве пронзительно и монотонно звенели цикады. Вокруг никого не было. Уже три недели Иуда в одиночку скитался по раскисшим от весенних дождей сельским дорогам Флориды. События последних дней более всего напоминали кошмарный сон.

Воскресное утро 2 апреля 1865 года в Ричмонде выдалось ясным и погожим. По утрам еще висел холодный туман, но днем солнце пригревало почти по-летнему. Вступавшая в свои права очередная военная весна несла новые надежды измученному сражавшемуся Югу. Столичные леди отправились в церковь в новых, домашнего производства капорах. Теперь можно не думать о том, где достать угля или дров для обогрева хотя бы одной комнаты в доме, а фруктовые сады и плантации Дикси оделись сладко-розовой пеной цветения.

Во время утренней воскресной службы президент Дэвис получил срочную депешу от генерала Ли и тут же покинул храм. Через какой-нибудь час эту новость знали во всем Ричмонде: Грант прорвал оборону южан и находится в двадцати милях от столицы. После десятимесячной осады Питерсберг пал, и та же участь ждала столицу Конфедерации. В городе началась срочная эвакуация. По улицам метались растерянные люди в надежде найти какое-либо средство передвижения. Баснословную

цену заламывали даже за похоронные фуры. Кучки мародеров грабили оставленные хозяевами лавки, склады и частные дома. В огромном костре на площади перед Капитолием спешно жгли государственные бумаги Конфедерации.

Бенджамин оставил свой кабинет чистым, частично упаковав, а большей частью уничтожив архив и бумаги госдепартамента. Последний поезд с членами кабинета министров покинул Ричмонд вечером. Немедленно после этого раздался сильный взрыв — солдаты уничтожили железнодорожный мост, чтобы дать возможность правительству оторваться от погони. Последнее, что видели в окна поезда соратники Дэвиса — зарево гигантского пожара над городом: в столице горели арсенал, военные склады и верфи с недостроенными кораблями. Утром следующего дня в Ричмонд вошла армия Гранта. Первыми по притихшим городским улицам, с песней «Тело Джона Брауна», прошли негритянские полки.

4 апреля в Ричмонд приехали президент США Линкольн и многие желавшие увидеть поверженную столицу Юга. Авраам Линкольн посетил резиденцию Дэвиса и посидел за рабочим столом президента Конфедерации. Жена генерала Гранта Джулия Дент приехала в «освобожденный от рабства» город с черной прислугой, на которую не распространялось действие «Прокламации об освобождении».

Конфедерация доживала последние дни. Временным пристанищем кабинета Дэвиса был вирджинский городок Дэнвилл, откуда президент намеревался руководить дальнейшей борьбой. Здесь его застало известие о капитуляции генерала Ли. Окруженный впятеро превосходящими силами Гранта, лишенный боеприпасов и продовольствия, Роберт Ли был вынужден сложить оружие 9 апреля в местечке Аппоматокс.

Историк Джеймс Макферсон писал о странном совпадении в истории великой войны: «Для подписания акта о капитуляции Ли и Грант выбрали дом фермера Уилмера Маклина. В самом начале Гражданской войны Маклин жил близ Булл Рана, и его дом стал штаб-квартирой конфедератов в 1861 году. Снаряд, выпущенный федералами, разворотил столовую Маклина. Впоследствии тот перебрался в глухой уголок на юге Вирджинии, чтобы спастись от ужасов войны, но финальный акт этой драмы разыгрался опять-таки в его доме, на сей раз в гостиной.

Побежденный, шести футов ростом, с величественной осанкой, прибыл в парадном облачении, с позолоченной шпагой на перевязи. Невысокий и сутулый победитель появился в обычном кителе и заляпанных грязью брюках, заправленных в столь же грязные сапоги... Именно здесь, в гостиниой Маклина, сын дубильщика из Огайо продиктовал условия капитуляции отпрыску одной из первых семей Вирджинии».

Капитуляция Ли означала крушение последних надежд Юга. Но даже в эти трагические дни Иуда Бенджамин не потерял присутствия духа, оставаясь на удивление невозмутимым. Пастор Ходж, сопровождавший в изгнании кабинет министров, вспоминал, что в те тревожные вечера Бенджамин спокойно обсуждал с ним литературное творчество Горация и Теннисона.

14 апреля 1865 года правительство Конфедерации перебралось в городок Шарлотт в Северной Каролине. В этот же день в форте Самтер, где ровно четыре года назад прозвучали первые выстрелы войны, состоялась символическая церемония подъема флага США. Бывший командующий гарнизоном форта Роберт Андерсон, под грохот салюта, вновь поднял флаг Союза над гаванью Чарльстона.

В этот же апрельский день во время спектакля в вашингтонском театре был убит Авраам Линкольн. Его убийца, молодой актер-фанатик Джон Бут, после выстрела в президентской ложе прыгнул на сцену и выкрикнул в оцепеневший зал: «Так погибают тираны. Юг отмщен!». Буту удалось бежать из театра и покинуть город. Это было первое в американской истории убийство президента страны. В тот же день сообщник Бута Пауэлл тяжело ранил ножом государственного секретаря Сьюарда в его вашингтонском доме.

Север захлестнула политическая истерия. Газеты, политики и публика требовали голов видных конфедератов и, в первую очередь, Дэвиса и Бенджамина. Повсюду искали и арестовывали южан, якобы причастных к заговору. Авраам Линкольн был убит в Страстную пятницу, что в глазах взвинченной общественности стало прямой аналогией с распятым Христом. В эти дни начал создаваться миф о мученике и «новом мессии» Линкольне, и фигура «Иуды Америки» Бенджамина оказалась в центре всеобщей вакханалии. «Еврейский принц Конфедерации» не сомневался в том, что ожидает его в случае поимки.

Разрушенный Ричмонд

В Шарлотт Иуда нашел временное пристанище в доме лавочника-еврея Абрама Вейна. При расставании госсекретарь подарил хозяину свою трость с золотым набалдашником, сказав, что эта трость была с ним в день его последней речи в Сенате США. Пастор Ходж писал в мемуарах, что спросил Бенджамина, как тот сумеет избежать пленения. В ответ он получил знаменитую полуулыбку и короткую фразу: «Меня никогда не возьмут живым».

24 апреля, спустя десять дней после убийства Линкольна, военный министр Стентон огласил официальную точку зрения федеральной администрации: «Убийство президента было организовано в Канаде и одобрено в Ричмонде». На Севере назначили большую награду за поимку «Иуды Искарота Бенджамина». Спикер Палаты представителей Дж. Блейн открыто призвал повесить его; в газетах Иуду изображали болтающимся на виселице рядом с Джефферсоном Дэвисом.

26 апреля федеральные войска окружили ферму в Вирджинии, где скрывался актер-убийца Джон Бут. Солдаты подожгли ферму; Бут отказался сдаться и застрелился. В этот же день в Северной Каролине капитулировали остатки армии конфедератов под командованием генерала Джонсона. Кабинет Дэвиса продолжал бегство на юг страны, и глава внешнеполитического ведомства оставался с президентом до последнего совещания в Джорджии. Здесь они в последний раз пожали друг другу руки. Джефферсон Дэвис в сопровождении двадцати верных офицеров намеревался

пробиться в еще сопротивлявшийся Техас. Иуда Бенджамин, плохо сидевший в седле, сказал, что будет обузой всадникам и решил в одиночку бежать к флоридскому побережью.

В повозке, запряженной двумя старыми мулами, в линялой фермерской одежде и старой соломенной шляпе, с отросшей бородой, он теперь мало походил на госсекретаря погибшей Конфедерации. Подложные документы французского подданного и его великолепный французский язык служили легендой для подозрительных попутчиков. Дороги Юга, изрытые колесами и копытами, где сквозь сутолоку и грязь непрерывной вереницей тянулись фургоны и повозки, являли собой картины апокалипсиса: группы оборванных солдат Конфедерации, возвращающихся домой, освобожденные и растерянные рабы в надежде найти еду и работу, беженцы в поисках жилья и близких, женщины и дети, раненые, старики и калеки, белые и черные банды мародеров. Добрый старый Юг, край белых усадеб и мирных пашен, безвозвратно канул в прошлое.

По иронии истории последний приказ Конфедерации досталось выполнить еврею, майору Рафаилу Мозесу. Пятидесяти-трехлетний Мозес, уроженец Чарльстона, должен был доставить остатки золотого запаса Конфедерации в Августу, столицу штата Джорджия. С десятью верными солдатами, отбиваясь в пути от банд мародеров, майор сумел пробиться в Августу и передал слитки федеральному командованию под расписку, что золото пойдет на оплату нужд раненых и демобилизованных солдат. Девятнадцатилетний сын майора Мозеса погиб, защищая Ричмонд.

Старая повозка трясется по глинистым рытвинам. Уже во Флориде Бенджамин узнал, что Джефферсон Дэвис схвачен кавалерийским патрулем. Теперь с удвоенной энергией ищут его. Передвигаясь под покровом ночи, он избегал больших дорог и даже не мог рассчитывать на помощь южан: за его голову предлагали сто тысяч долларов.

Иуда Бенджамин умел смотреть на вещи со стороны. Горькая ирония заключалась в том, что он, совсем недавно признанный лидер страны, теперь скрывался в лохмотьях под чужим именем, как беглый раб. Дело, которому он посвятил жизнь, погибло. У него не было ни прошлого, ни будущего. И любой топот

копыт или стук сапог среди ночного безмолвия мог означать для него арест или гибель. В одну из таких ночей повозка Бенджамин окончательного увязла в дорожной грязи.

Чей-то резкий голос разбудил его в то майское утро. «Привет Джефферсону», — произнес кто-то над его головой. Вокруг не было никого. Странный голос повторил: «Привет Джеффу». Все это походило на начинавшийся бред. Вскоре голос, мало похожий на человеческий, вновь раздался из кроны дерева. Бенджамин разглядел среди ветвей попугая, вероятно улетевшего с близлежащей фермы. Хозяин птицы, несомненно, был сторонником Джефферсона Дэвиса. Но как найти эту ферму? Бенджамин рассудил, что если спугнуть птицу камнем, она, возможно, полетит в сторону фермы. Риск был велик, но другого выхода не было.

Расчет оказался верным. Вскоре Бенджамин набрел на ферму, хозяин которой, сторонник Конфедерации, переправил Иуду к своим друзьям. В одной из отдаленных усадеб беглый госсекретарь провел неделю, пока шла подготовка к его бегству морем. Однажды сюда нагрянули федеральные солдаты с обыском, и Бенджамин отсиживался в болотистых флоридских зарослях. Солдаты прочесывали кустарник так близко от него, что он вдыхал запах их табачного дыма.

История бегства Иуды Бенджамин, более похожая на авантюрный роман, в деталях описана в многочисленных воспоминаниях людей, которых судьба свела с ним в те дни. Флоридский полуостров со стороны атлантического побережья был наглухо перекрыт кораблями береговой охраны. Призрачная возможность бегства оставалась лишь со стороны Мексиканского залива. Небольшая яхта капитана Керра должна была скрытно пройти к южной оконечности Флориды, укрываясь от федеральных кораблей в многочисленных мелких бухтах и протоках, а затем выйти в открытое море. Опытный лоцман, капитан-конфедерат Маклеод, с опаской ожидал выхода в океан: приближался сезон тропических ураганов.

Яхта под видом рыболовного судна отправилась на юг. Вскоре ее настиг патрульный корабль, но беглецам удалось скрыться в одной из узких протоков в глубине материка. Здесь они отсиживались двое суток, прежде чем решились двигаться дальше. Из-за отсутствия провизии приходилось питаться черепашьими яйцами, воду заменяло кокосовое молоко. Но после

нескольких дней плавания удача вновь отвернулась от них — федеральная канонерка отрезала им путь к материку. Яхта была вынуждена лечь в дрейф. Солдаты-северяне спустились на палубу для обыска. Один из них раскрыл дверь камбуза, где ловко чистил рыбу бородатый кок в фартуке. Глаза Бенджамина встретились с глазами янки. Впервые Иуда видел врага так близко. Лицо солдата расплылось в улыбке: «В первый раз вижу повара-еврея». Дверь камбуза закрылась. Бенджамин опустил нож.

Яхте предстояло пройти самый опасный участок пути в шестьсот миль в открытом океане до ближайшего острова Бимини, на который не распространялась юрисдикция американских служб. В США тем временем достигла апогея истерия, связанная с гибелью Авраама Линкольна. 7 июля 1865 года четверо участников заговора с целью убийства президента были повешены в федеральной тюрьме в Вашингтоне. Среди них — женщина, Мэри Серрат, виновная лишь в том, что заговорщики проживали в ее доме. Закованный в цепи Джефферсон Дэвис, государственный преступник номер один, ожидал суда в каземате форта Монро в Вирджинии. Американские газеты состязались в попытках доказать, что нити заговора тянутся к вождям Конфедерации. Уильям Сьюард до конца своих дней утверждал, что покушение на него осуществлялось на деньги Бенджамина (ни одно из расследований не подтвердило этого).

В нейтральных водах яхта попала в сильный шторм. Казалось, что стихия решила еще раз испытать беглецов на прочность. Судно дало течь, но удержалось на плаву. Капитан Маклеод, спустившись в трюм, застал там Бенджамина, вычерпывающего воду суповой миской. Поймав взгляд Маклеода, Бенджамин улыбнулся: «Да, это совсем не похоже на работу государственно-го секретаря».

На Бимини Иуда Бенджамин уже мог вздохнуть спокойно. Позади остались почти три месяца скитаний, которые отнюдь не добавили здоровья этому уставшему пятидесятичетырехлетнему человеку. Но теперь он находился на территории Британской империи и мог декларировать английское подданство по месту своего рождения. Нужно было только добраться до крупного острова и сесть на корабль, идущий в Европу.

Бенджамин отыскал место на крошечном шлюпе — туземном суденышке, до отказа забитом выловленной морской губкой, ко-

торый направлялся в порт Нассау. Жаркое тропическое солнце очень скоро сделало свое дело: губка начала подсыхать и расширяться, и хлипкая посуда стала трещать по швам. В 35 милях от берега шлюп наполнился водой и затонул. Иуда и трое негров из команды успели прыгнуть в лодку. Им предстояло дрейфовать в открытом океане с небольшим кувшином воды на четверых и маленьким котелком риса — чьим-то недоеденным завтраком. Океан мягко покачивал лодку, и плавник акулы казался Бенджамину меньшей опасностью, чем возможное появление американского корабля. К счастью, жертвы крушения были подобраны через восемь часов местной яхтой, совершавшей инспекцию маяков. Яхта доставила спасенных на остров Сент-Томас. Так, спустя полвека, Иуда Филипп Бенджамин увидел место своего рождения.

В сонный мир Виргинских островов с большим опозданием доходили обрывочные сведения о происходившем в Соединенных Штатах. Страна Дикси лежала в руинах. Юг был отброшен на полтора столетия назад, к временам первых поселенцев, бревенчатых хижин, крошечных клочков обработанной земли и жизни на грани вымирания. Во многих городах, включая Новый Орлеан, происходили кровавые столкновения между белыми и черными. Хаос и отчаяние охватили край. Теоретик «южной нации», писатель Эдмунд Раффин, который произвел в Чарльстоне первый выстрел Гражданской войны, покончил с собой, завернувшись во флаг Конфедерации.

Амнистии нового президента США Эндрю Джонсона не подлежали четырнадцать категорий населения южных штатов: среди них — офицеры и должностные лица Конфедерации, а также все сецессионисты, владевшие более чем двадцатью тысячами долларов. Они должны были лично ходатайствовать о президентском прощении и приносить присягу на верность Союзу. Радикальные республиканцы, составлявшие большинство в Конгрессе США, требовали все более жестокой репрессивной политики по отношению к поверженному врагу. Юг стал единственной в американской истории частью страны, где осуществлялся многолетний режим военной оккупации.

На Сент-Томасе Иуда Бенджамин потратил остатки денег на чистое белье, подкуп местных чиновников и билет на пароход

до Кубы. Ему удалось послать весточку сестрам в Новый Орлеан. На долгом морском пути в Гавану и далее, из Гаваны в английский порт Ливерпуль, Бенджамин пережил еще два шторма и сильно страдал от морской болезни. Но это путешествие несло ему спасение.

Стряпчий

Англия того времени — образец европейского либерализма — все еще медленно и неохотно предоставляла евреям равные права. По-прежнему лица нехристианского вероисповедания не могли состоять на королевской службе. До 1871 года старейшие университеты Оксфорд и Кембридж не присваивали иудеям ученую степень. Лишь в 1890 году в Великобритании были сняты последние ограничения для лиц нехристианской веры.

Иуда Филипп Бенджамин сошел на английский берег 30 августа 1865 года. Позади остались крах Конфедерации, конфискация имущества и бегство наперегонки со смертью. В весьма преклонном для XIX столетия возрасте (пятьдесят пять лет) он должен был начинать жизнь сначала. Но даже в те горькие дни Иуда пишет одному из друзей в своем привычном стиле: «Я скорее приятно согрет чувством, что смог разочаровать своих врагов».

В Ливерпуле, имевшем традиционные торговые связи с американским Югом, образовалась значительная колония эмигрантов-южан. Здесь Бенджамин решил попытать счастья, как в годы молодости, в коммерческих операциях. Но сначала он — впервые за много лет — отправился в Париж повидать жену и дочь.

Годы совсем не изменили Натали, и она отнюдь не собиралась менять свой образ жизни. Париж действительно был лучшим местом на земле. Столица шампанского и канкана переживала расцвет. Наполеон III возводил грандиозный памятник своему режиму: Большие бульвары изменили облик Парижа, строилась Гранд-Опера — одно из крупнейших театральных сооружений мира. Город распущенных и насмешливых парвеню насвистывал мелодии новомодного Оффенбаха. Лишь безобразными призраками выглядели отсюда война, насилие, смерть.

Старые знакомые из числа эмигрантов предлагали начать все сначала именно здесь. Но что ждет его во французской столице?

ОДИНОЧЕСТВО ДИПЛОМАТА

*Подобно зрителю, сидящему
в покинутом всеми зале, с пустующими
ложками, при погасших свечах, я сейчас
один во всем мире перед опущенным
занавесом в молчании ночи...*

Шатобриан

Philadelphia

Об Уильяме Буллите написано на удивление мало. Несколько сухих политических исследований и всего одна академическая биография не в состоянии отобразить его яркую, насыщенную событиями жизнь в Вашингтоне, Москве, Париже и Вене. Журналист и дипломат, писатель и аналитик, оставивший след на страницах романов Скотта Фицджеральда и Михаила Булгакова — в биографии нашего героя немало сюжетных поворотов. Билл Буллит — едва ли не единственный соавтор Фрейда, спасший своего учителя от неминуемой гибели. Он был первым послом США в Советской России. Нацисты называли Буллита среди главных виновников Второй мировой войны. Он стал мэром Парижа в самые трудные для этого города дни. Будучи близким другом Франклина Рузвельта, Буллит пошел на разрыв отношений с президентом. Оставив столичную службу, он отправился добровольцем на фронт в составе армии де Голя. За всеми этими историческими хитросплетениями вырисовываются главные качества дипломата — особый склад ума, редкая способность взглянуть далеко за горизонт, проницательность, обретавшая временами характер пророчества.

Известное выражение о лучших домах Филадельфии как нельзя лучше подходило семейству Билла Буллита. Его предки по линии отца были французскими гугенотами, бежавшими от религиозных гонений в Новый Свет. Родиной своей семейство Буле

считало древний город Ним в Провансе (через двести пятьдесят лет власти Нима сделают Билла почетным гражданином). Французское произношение фамилии за океаном изменилось на англоязычное *Bullitt*. Дед Билла, известный юрист Джон К. Буллит, был автором городской хартии Филадельфии, за что удостоился памятника на площади перед ратушей.

Предки Билла по линии матери — берлинские евреи. Прадед Джонатан Горвиц в Америке стал членом епископальной конгрегации и избрал карьеру врача. Среди родни Буллита — профессор С. Гросс, знаменитый хирург XIX века, «американский Пирогов», чей огромный портрет украшает городской художественный музей.

Уильям Крисчен Буллит родился 25 января 1891 года. В суматохе ребенка положили в кресло, куда неожиданно уселась одна из тетушек — новорожденный чудом не пострадал. Семейным гнездом Буллитов был дом на площади Риттенхауз, самом уважаемом районе старой Филадельфии. С фотографий семейного альбома смотрит одетый по последней, «взрослой», моде мальчик с длинными локонами. В автобиографическом романе «Это не сделано» Билл описал праздничные домашние обеды с «серебряными тарелками на тяжелой скатерти, горами фруктов и деревьями из роз, лесом свечей, хрусталем и двадцатидолларовым золотым под детскими салфетками».

Жизнь семейства Буллитов следовала классическому канону, запечатленному в манновских «Будденброках». Билл окончил престижную частную школу Деланси, в которой считался одним из первых учеников. С детства благодаря стараниям матери он бегло говорил по-французски, затем, проведя несколько лет в Мюнхене и Вене, в совершенстве овладел немецким. В Йельском университете Билл был главой театральной ассоциации, редактором студенческой газеты «Йель Ньюс» и президентом ораторского клуба. «Самый блестящий студент», по признанию его однокурсников, после получения бакалаврской степени поступил в 1912 году в Гарвардский университет, но проучился там всего год. Несмотря на все желание отца видеть Билла потомственным юристом, тот оставил Гарвард, заявив, что не находит интереса в правоведении.

О сформировавшемся характере молодого человека говорит история с его последним учебным днем в Гарварде. Джозеф

Биль, профессор-законовед с сорокалетним стажем, жесткий и ироничный, был грозой студентов в классных комнатах. В дискуссии с Билем нужны были крепкие нервы и изощренный ум. В тот день Буллит упорно защищал свою точку зрения (разбиралось дело о незаконном владении оружием). Раздраженный профессор после обмена мнениями посоветовал студенту перейти в духовную семинарию, «которая находится всего в трех кварталах отсюда». В аудитории раздался хохот, а Буллит покинул класс и первым же поездом отправился в Филадельфию, успев на площадь Риттенхауз как раз к ужину.

Уильям Буллит-старший, известный далеко за пределами своего города предприниматель, разбогатевший на поставках угля для пароходных компаний, умер весной 1914 года. Семье остались значительные финансовые средства. Уильям с матерью решили сменить обстановку и предприняли большой европейский тур. В августе 1914 года, когда в Европе началась Первая мировая война, Буллиты остановились в гостинице «Националь» в Москве. Этот приезд стал первым знакомством Билла с древней столицей России. На улицах и площадях первопрестольной шли нескончаемые патриотические демонстрации с хоругвями и портретами Николая II, и тысячи людей желали умереть «за веру, царя и отечество». На пути домой «нейтральные» американцы посетили Берлин, Париж и Лондон. В каждой из европейских столиц проходили не менее многолюдные патриотические шествия, где тысячи людей уверовали, что Бог и Правда на их стороне.

Из Лондона Билл послал свои первые заметки в газету «Нью-Йорк Таймс». Он мечтал стать военным корреспондентом (подобное пытался делать другой молодой патриций, Уинстон Черчилль), но американское министерство обороны отклонило прошение Буллита. По возвращении в Филадельфию Билл становится репортером ведущей городской газеты «Паблик Леджер» с зарплатой десять долларов в неделю и поручением вести полицейскую хронику. Потомственный филадельфийский джентльмен оказался неплохим репортером, бойким и пронырливым, а его хлесткие репортажи все более привлекали читательское внимание и нередко занимали первую полосу газеты.

Весной 1916 года Буллит женился на Эрнесте Дринкер, девушке из лучших семейств города. Дочь президента одного

из филладельфийских университетов была, по отзыву младшего брата Билла, «поразительной красавицей с темными волосами, сияющими глазами... тонкой фигурой... остроумной говоруньей». Как признавалась разборчивая невеста матери, она получила столько предложений руки и сердца, что перестала их считать, сбившись на пятидесяти. Ее салонный портрет приобрел в коллекцию нью-йоркский музей Метрополитен.

В мае 1916 года молодожены отправились за океан. «Паблик Леджер» обзавелась собственным европейским корреспондентом, к тому же никогда не нуждавшийся в деньгах Билл отказался от гонораров. Буллит брал интервью у государственных мужей Бельгии, Германии, Австро-Венгрии. Не лишенная литературного дара, Эрнеста Дринкер рассказала о затянувшемся «медовом месяце» в книге «Дневник без цензуры».

«Билл отправился на восточный фронт, — писала Эрнеста. — Он летал на аэроплане над русскими позициями, был обстрелян и получил море впечатлений». Молодому американцу удавались беседы не только с германским или австрийским имперским истеблишментом, но и с простыми солдатами — баварцами, мадьярами, тирольцами, возвращавшимися с фронта. Эрнеста описывала, как Билл умудрялся обходить немецкую военную цензуру, балансируя на грани между «нейтральным корреспондентом» и «агентом враждебной державы».

Возвратившись весной 1917 года в Соединенные Штаты, Уильям Буллит почти сразу же стал главой корпункта «Паблик Леджер» в Вашингтоне. Филадельфийская газета-соперница даже наняла частного детектива, чтобы проследить, каким образом этот проныра умудряется добывать конфиденциальную и сенсационную информацию, сделавшую ему имя. Мэтр американской журналистики Уолтер Липпман, первым разглядевший особый дар Билла, назвал его «самым способным из американских корреспондентов». И добавил: «Его интуиция в оценке событий была удивительно точной». Именно это особое «репортерское» чутье Буллита самым драматическим образом определило его последующую биографию.

Среди вашингтонских покровителей журналиста — полковник Эдвард М. Хауз, один из советников президента Вильсона, «серый кардинал Белого дома», как называли его в столице. Хауз не со-

мневался, что Билла ожидает блестящая карьера. Не без помощи полковника, в декабре 1917 года Буллит перешел на работу в государственный департамент, где возглавил бюро центральноевропейской информации. Сферой его аналитической деятельности была Австро-Венгрия и Германия, но стал заметен интерес молодого дипломата к событиям, происходившим в бывшей Российской империи.

«Тяжелая средневековая тирания, правившая Россией, исчезла подобно дыму на ветру... И из серого моря безмолвных, запуганных рекру-

Уильям К. Буллит

тов, из рек рабочих, согбенных страшной усталостью, из мира мужиков, темных и бессловесных, вырисовывается нечто великое...», — в ту пору на столе у многих американских левых интеллектуалов лежали публикации Джона Сайласа Рида, радикального литератора, будущего автора «Десяти дней, которые потрясли мир». Во многом благодаря таланту этого противоречивого поэта и журналиста, прозванного за стиль «американским Кипплингом», среди либеральной интеллигенции Запада надолго укоренился миф о рождавшейся на востоке «заре нового мира».

Билл Буллит всю жизнь был романтиком, и эти взгляды разделяли многие представители его поколения. Осенью 1917 года будущий знаменитый писатель Фрэнсис Скотт Фицджеральд, бросивший Принстонский университет, находился на военной службе в Канзасе. Командиром его учебного взвода, готовившегося к отправке в Европу, был капитан Дуайт Эйзенхауэр, будущий президент Соединенных Штатов. Той же осенью в канзасской газете «Стар» работал молодой корреспондент Эрнест Хемингуэй, собиравшийся за океан с миссией Красного Креста. Это молодое поколение, будущая гордость нации, отправлялось

в старушку Европу, чтобы выиграть «войну за демократию», которая, как уверял президент Вильсон, станет «последней войной в истории человечества».

Провальная миссия

Первая мировая война завершилась в одиннадцать часов одиннадцатого дня одиннадцатого месяца 1918 года. Впервые в истории Соединенные Штаты участвовали в масштабных боевых действиях за океаном. Более миллиона американских солдат, отправленных на германский фронт, склонили чашу весов войны в пользу держав Антанты.

Томас Вудро Вильсон, по общему признанию, один из самых одаренных американских президентов, готовился к поездке в Европу. Вильсон отказался от вековой традиции американской дипломатии, выраженной в прощальном послании Джорджа Вашингтона — «отстоять от европейских конфликтов». Не было в Старом Свете более популярной фигуры, чем историк-интеллектуал, в прошлом ректор Принстонского университета, возглавивший мирные переговоры в Париже. В европейских столицах перед портретами Вильсона зажигали свечи.

Уинстон Черчилль, тогдашний первый лорд адмиралтейства Великобритании, вспоминал: «Аппетиты, страсти, надежды, голод и анархия — вот что господствовало в тот момент, и в этом одновременном и почти повсеместном хаосе взоры всех людей были обращены на Париж. От этого бессмертного города, веселого и трагического, измученного и торжествующего, тело которого было покрыто рубцами ран, а глава увенчана короной победы, более половины человечества ожидало удовлетворения и избавления».

Пароход «Джордж Вашингтон» привез во Францию внушительную делегацию — тысячу триста человек — дипломатов и секретарей, переводчиков и консультантов, специалистов в самых разных областях мировой политики, географии и экономики, которых принял роскошный отель «Крийон». Билл Буллит находился в элитной группе аналитиков, возглавляемой полковником Хаузом. День прибытия Вильсона в Париж был объявлен праздничным. Американский президент удостоился звания по-

четного гражданина города, ему вручили золотое перо «для подписания справедливого, гуманного и прочного мира».

На тенистой парижской Площади Соединенных Штатов, как раз напротив мраморно-бронзовой аллегии «Лафайет встречает генерала Вашингтона», для Вудро Вильсона сняли особняк. Здесь проходили кулуарные переговоры глав стран-победительниц, здесь родилась на бумаге Лига Наций.

Вудро Вильсон

Но трудности миротворца Вильсона начались уже по приезде. Члены «Антант кордиаль» откровенно жаждали мщения. Вернувшийся из плена капитан французской армии де Голль писал в те дни отцу: «Мы продиктуем условия ненавистному врагу». Премьер-министр Франции Клемансо заявил: «Наше право компенсации не должно быть ограничено». Британский премьер Ллойд Джордж обещал, что выжмет «немецкий лимон» до косточек. Англичан и французов раздражало морализаторство заокеанского профессора истории, уповавшего на Лигу Наций, как на «Евангелие XX века».

Американский атташе Уильям Буллит вызывал не меньшее раздражение делегатов своими «неуместными» рассуждениями, что чрезмерное унижение Германии, несправедливая перекройка границ и попытки заставить немцев «заплатить за все» приведут в итоге к росту реваншистских настроений. В те дни дважды раненый на войне ефрейтор Адольф Шикльгрубер был мало кому известен за пределами мюнхенских пивных.

Другой неразрешимой политической проблемой оказалась рухнувшая империя Романовых. Россия, по словам очевидца, писателя Герберта Уэлса, лежала во мгле. Вудро Вильсон откровенно признался Э. Хаузу: «Вопрос о том, что нужно и должно делать в России, доводит меня до изнеможения. Эта проблема, как ртуть, ускользает при прикосновении к ней...»

Содержание

Иуда

Место под солнцем	11
Законы и сахар	15
Дуэль в Сенате	22
Разрушенный дом	32
Маленькая красивая война	39
«Ложе из лепестков роз»	45
Хлопковая дипломатия	54
Геттисберг	65
Столица	75
«Пусть Юг взвоет»	87
Крушение	94
Стряпчий	102
Последняя победа	107
Эпилог	115

Одиночество дипломата

Philadelphia	119
Провальная миссия	124
«Ночь нежна...»	134
Поцелуй Иосифа	142
Московские контакты	150
Великий бал у Сатаны	159
Площадь Согласия	171
«Странная война»	183
Тьма на сцене	193
Британская карта	202
Каирские планы	212
Морковка и дубинка	221
Письма Кассандры	231
Лотарингский крест	241
Частная жизнь	252

Библиография	260
------------------------	-----

ЛЕОНИД СПИВАК, выпускник Нью-Йоркского университета, родом из Санкт-Петербурга. С 1993 года живет в Бостоне. Автор многочисленных статей о русско-американских культурных связях XVIII–XX столетий. Его документальные сборники «Истории города Бостона» и «Меж двух берегов» посвящены малоизученным страницам американской и европейской истории.

Новая книга Леонида Спивака «Забывтые американцы» рассказывает о судьбах двух уникальных личностей, оказавших влияние на ключевые события мировой истории: государственного секретаря Конфедеративных Штатов Иуды Бенджамина и советника двух президентов, посла США в России и Франции Уильяма Буллита.

ISBN 978-1-940220-25-3

9 781940 220253

9 0000 >

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com